

TSYRENOV Chingis Tsybikdorzhievich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Researcher of the Department of Philosophy, Religion and Culturology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sahjanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; chts17@mail.ru)

MODERN BUDDHISM IN THE PRC: SOCIAL AND POLITICAL ASPECT

Abstract. On materials of statistical and sociological data, Russian, Chinese and Western online media the article describes and analyzes the main data and historical events related to the contemporary Buddhist community in the PRC, and the place and role of the Buddhist factor in domestic and foreign policy of the PRC. On the base of the analysis of the Chinese media-content, the author concludes the growing interest of the representatives of the Chinese middle class, business elite in the Buddhist culture and philosophy. There is an active process of creating a harmonious and healthy modern society in China, as well as the great spiritual and economic contribution of the Buddhist doctrine to the development of Chinese culture and economy.

Keywords: Buddhist Association of China, Chinese Buddhism, Tibetan Buddhism, PRC, Taiwan

УДК 323.22/.28

РОДИОНОВ Владимир Александрович – к.полит.наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6а; vladimir_198025@mail.ru)

МОНГОЛИЯ В КОНЦЕ 1980-х гг.: НАЧАЛО ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье представлен обзор истории Монголии периода позднего социализма. Совокупность причин, связанных с кризисом социалистической системы, привела к необходимости проведения реформ в стране. Однако усиление кризисных явлений в экономической сфере повлекло за собой требование политических изменений. Инициаторами политических требований стали молодые монгольские интеллектуалы, в массе своей получившие образование в СССР и странах Восточной Европы. На ход реформ, помимо прочего, оказали большое влияние события в других социалистических странах, прежде всего в Советском Союзе.

Ключевые слова: Монголия, СССР, постсоциалистическая трансформация, перестройка, демократизация

Отказ Монголии от социалистического пути развития и начало радикальных политических и экономических реформ на рубеже 1980–1990-х гг. традиционно считаются отправными точками современного политического процесса в стране. В научной и публицистической литературе данные события были названы демократической революцией 1990 года (*1990 оны ардчилсан хувьсгал*) [Монголын... 2011: 27].

В МНР, как и в социалистических странах Восточной Европы, начало серьезных политических перемен пришлось на вторую половину 1980-х гг. Предпосылками к таким переменам в первую очередь следует признать кризисные явления в социально-экономической сфере страны. Г.С. Яскина указывает, что «к 1985 году неблагоприятное положение в монгольской экономике стало громче заявлять о себе появлением таких признаков кризиса, как обострение продовольственной

проблемы, дефицит потребительских товаров, рост убыточности основной массы промышленных предприятий усиление миграционных потоков сельского населения в города, падение жизненного уровня населения» [Яскина 1994а: 5].

Именно экономическая реформа стала главным содержанием объявленной МНРП политики перестройки (монг. — *өөрчлөн байгуулалт*). Первым важным событием в этом смысле стал майский XIX партийный съезд 1986 г., поставивший задачи проведения экономической реформы. В 1987 г. на XIII съезде Советов монгольских профсоюзов генеральный секретарь ЦК МНРП Ж. Батмунх объявил, что страна взяла курс на перестройку. А в 1988 г. V пленум ЦК МНРП продекларировал перестройку как неотложную задачу партии [История Монголии... 2007: 315-316].

Главный внешний импульс к подобным переменам для МНР исходил из Советского Союза и его политики перестройки. XIX съезд полностью поддержал решения XXVII съезда КПСС (февраль 1986 г.) о начале политики «нового мышления»¹. На советскую перестройку как важнейший фактор начала политической трансформации в Монголии указывают многие российские и зарубежные авторы [Яскина 2002: 45; Chuluunbaatar 2009: 7; Rossabi 2005: 2; Soni 2014]. На внешний фактор указывает и южнокорейский политолог Юнхан Ли, утверждая, что без серьезных изменений в одной из двух соседних стран Монголия не смогла бы пойти на демократизацию [Junhan Lee 2002: 835].

Специфику монгольского опыта реформ определили гораздо более тесная в сравнении с восточноевропейскими странами связь и зависимость от Москвы как в экономическом, так и в политическом отношении; второй по продолжительности после СССР опыт построения социализма; более низкий стартовый уровень социально-экономического развития; географическая замкнутость между двумя великими державами. Учитывая эти факторы, не удивительно, что инициированные МНРП реформы были смоделированы по большей части по аналогии с советским опытом политики перестройки и гласности (монг. — *ил тод*) [Балхажав 1989]. Так, на XIII съезде монгольских профсоюзов в 1987 г. Ж. Батмунх в своем выступлении заявил: «Перестройка — это наш путь, на который мы ориентируемся» [История Монголии... 2007: 316].

Так же, как и в СССР, изначально предполагалось реформировать только экономическую сферу, не затрагивая основ политической системы социализма. Ставка делалась на поощрение частной инициативы в процессе производства. Именно на это было рассчитано постановление Совета министров МНР в марте 1988 г. «О поддержке занятия гражданами индивидуальной трудовой деятельностью и развития трудовых кооперативов». Министерством и ведомствам разрешалось самостоятельно решать вопросы закупки машин и оборудования, стимулировался переход на хозрасчет, на добровольной основе создавались «трудовые товарищества» (монг. — *хөдөлмөрийн нөхөрлөл*) и т.д.

Однако в ходе возникших общественных форумов и дискуссий (в рамках политики гласности) всплыли ранее не замечаемые и не проговариваемые проблемы и противоречия, которые стали первым актом в начинавшихся трансформационных процессах. Кроме того, надежды на проводимые экономические реформы народного хозяйства не оправдались. Так, Ж. Батмунх на VII пленуме ЦК МНРП в январе 1990 г. заявил: «Нужно немедленно исправить такое положение, когда два миллиона человек, проживающих на территории в 1,5 миллиона квадратных километров, не обеспечиваются работой полностью. На селе очень тяжело со свечами и чаем. Скотоводы сидят в глухой темноте» [Лиштованный 2007: 48].

¹ XIX съезд Монгольской народно-революционной партии. 1986. М.: Политиздат. С. 44-45.

Социально-экономическое положение МНР стало особенно критичным после резкого сокращения внешней помощи со стороны СССР, испытывавшего собственные трудности. По оценкам западных специалистов, объем внешнего советского финансирования страны за период 1989–1991 гг. сократился с 53% размера ВВП Монголии до 7%, а советский импорт сократился на 60% [Boone 1994: 330]. В конце 1980-х гг. советская сторона в существенных объемах стала сокращать поставки нефти и нефтепродуктов в МНР, которые к тому же шли с большими отклонениями от обусловленных сроков (и это при том, что в 1987–1988 гг. советские поставки на 100% покрывали импортные потребности МНР в нефти и нефтепродуктах [Яскина 2002: 93]). СССР не выполнял своих обязательств по экспорту продовольственных и других потребительских товаров для населения, оборудования, запасных частей и сырья для промышленности. В нарушение двусторонних межправительственных соглашений Советский Союз почти перестал покупать монгольские товары – ковры, трикотаж, изделия из кожи и меха, продукцию животноводства. Учитывая то, что монгольский экспорт был практически полностью ориентирован на СССР, подобные события парализовали работу ряда направлений монгольской экономики [Надиров 2006: 120].

Резкое сокращение поставок товаров первой необходимости из Советского Союза и стран СЭВ вызвало падение уровня жизни значительной части населения Монголии. Произошло падение национального дохода, который в 1980 г. составлял 5 млрд, а в 1990 г. – только 3,1 млрд тугриков. Соответственно, на душу населения в 1990 г. приходилось всего лишь 42 долл. По этому показателю Монголия опустилась ниже отметки, занимаемой таким крайне отсталым государством, как Бангладеш [Яскина 1994б: 30]. Как результат, усиление кризисных явлений в экономической сфере и неспособность правительства с ними справиться повлекли за собой требование политических изменений.

В активизировавшиеся общественно-политические дискуссии в СССР, порожденные политикой перестройки, были вовлечены и граждане Монголии. Не случаен тот факт, что зародившееся в 1988–1989 гг. стихийное оппозиционное МНРП движение возглавили молодые монголы, получившие высшее образование в СССР. В первую очередь речь идет о таких демократических лидерах, как С. Зориг (окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), Ц. Элбэгдорж (Львовское высшее военно-политическое училище), Д. Ганболд (экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова), М. Энхсайхан (Киевский государственный университет). Были созданы неформальные группы и объединения, такие как «Новое поколение» (*Шинэ үе*), «Вселенная» (*Ертони*), Клуб молодых экономистов и др. 7 ноября 1989 г. был создан Монгольский демократический союз (*Монголын ардчилсан холбоо*) [История Монголии... 2007: 324], ставший организационным ядром протестующих.

Значительную роль сыграли и процессы демократизации в странах Восточной Европы. Через международные организации социалистического блока (прежде всего, СЭВ) и двусторонние договоры и соглашения МНР была вовлечена в единое социалистическое экономическое, информационное и социальное пространство. Ряд лидеров оппозиционного движения в Монголии 1989–1990-х гг. получили высшее образование в странах Восточной Европы. Например, Б. Батбаяр (более известный под литературным псевдонимом Баабар), один из основателей Монгольской социал-демократической партии (МСДП), учился в ГДР, С. Оюун, лидер партии «Гражданская воля», получила образование в Чехословакии. В годы обучения за границей они принимали участие в дискуссиях по вопросам реформирования коммунистической партии и продвижения к «реальной демократии». Происходившие в странах Восточной Европы события были восприняты ими в качестве модели развития для собственной страны [Rossabi 2005: 4]. Некоторые

исследователи предполагают, что декабрьские события 1989 г. в Румынии, связанные со свержением режима Н. Чаушеску, также вдохновили монгольских оппозиционеров и стали катализатором открытых выступлений в Улан-Баторе [Szilagyi 2010: 117].

Не последнее место среди факторов начала монгольской трансформации занимают события в соседнем Китае. Как пишет М. Россابي, акции протеста лидеров демократического движения были вдохновлены примером китайских студентов, объявивших голодовку на площади Тяньаньмэнь [Rossabi 2005: 18]. На влияние студенческих выступлений в КНР на политическую ситуацию в МНР указал нынешний президент Монголии Ц. Элбэгдорж, бывший в ту пору одним из лидеров оппозиционного движения: «...в декабре 1989 года... когда КНР еще только отходила от последствий жестокого подавления демонстрации на площади Тяньаньмэнь, маленькая Монголия демонтировала долго правивший авторитарный режим»¹.

Еще одной предпосылкой к кардинальным политическим изменениям в Монголии стала смена советским руководством внешнеполитической стратегии в Азии. Курс на нормализацию отношений с Пекином, официально объявленный во время рабочей поездки М.С. Горбачева во Владивосток в 1986 г., означал в т.ч. вывод советских войск с территории МНР и ослабление экономической помощи Улан-Батору [Системная история... 2003: 476]. Данные изменения подтолкнули монгольское руководство к более открытой и диверсифицированной внешней политике. Как пишет М. Россابي, у руководства МНР не оставалось выбора, кроме как выстраивать отношения с в недавнем прошлом враждебными странами [Rossabi 2005: 9]. Одним из проявлений наметившихся изменений стало установление дипломатических отношений с США в 1987 г. и расширение экономических и культурных контактов с другими странами Запада. Интенсификация подобных связей влекла за собой определенную либерализацию внутривнутриполитического режима МНР и стимулировала к реформам в экономике.

Таким образом, начавшиеся в конце 1980-х гг. демократические изменения в Монголии изначально имели внутренние, преимущественно социально-экономические причины и не были результатом целенаправленных внешних воздействий. В то же время сложившаяся международно-политическая ситуация позднего социализма безусловно оказала значительное влияние на характер и ход монгольского политического процесса в рассматриваемый период.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках международного научно-исследовательского проекта РГНФ-МОНМ «Энциклопедия российско-монгольских отношений», проект № 15-21-03008.

Список литературы

Балхажаав Ц. 1989. Перестройка и наш ориентир. — *Азия и Африка сегодня*. № 8. С. 24-26.

История Монголии. XX век (отв. ред. Г.С. Яскина). 2007. М.: ИВ РАН. 448 с.

Лиштованный Е.И. 2007. *От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии*. Иркутск: Изд-во ИГУ. 195 с.

Надилов Ш.Г. 2006. Приверженец идеи ненасилия. — *IX международный конгресс монголоведов: доклады российских ученых*. Улан-Батор, 8-12 августа 2006 г. М.: ИВ РАН. С. 118-125.

¹ Монгол улсын Ерөнхийлөгч Чахиагийн Элбэгдоржийн хэлсэн үг [Выступления президента Монголии Чахиагийн Элбэгдоржа]. — *Президент Монголии. Официальный сайт*. Доступ: <http://www.president.mn/category/12> (проверено 15.03.2016).

Системная история международных отношений. 1918–2003. Т. 3. События. 1945–2003 (отв. ред. А.Д. Богатуров). 2003. М.: НОФМО. 720 с.

Яскина Г.С. 1994а. *Модернизация производительных сил и экономическая реформа в Монголии*. М.: ИВ РАН. 52 с.

Яскина Г.С. 1994б. Жизненный уровень населения в период реформы. — *Монголия: трудный путь к рынку: сборник статей*. М.: ИМЭПИ РАН. С. 30-39.

Яскина Г.С. 2002. *Монголия и внешний мир*. М.: ИВ РАН. 370 с.

Boone P. 1994. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia. — *Journal of Comparative Economics*. № 18. P. 329-356.

Chuluunbaatar G. 2009. *Problems of the Contemporary Socio-Political Transformation in Mongolia*. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy, Sociology and Law; Mongolian Academy of Sciences. 112 p.

Junhan Lee. 2002. Primary Causes of Asian Democratization: Dispelling Conventional Myths. — *Asian Survey*. Vol. 42. No 6. P. 821-837.

Монголын ардчиллын төлөвшил [Основы монгольской демократии]. (под ред. Г. Чулуунбаатар). 2011. Улаанбаатар: Институт философии, социологии и права АН Монголии. 211 с.

Rossabi M. 2005. *Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists*. Los Angeles – London: University of California Press. 397 p.

Soni S. 2014. Russian Policy towards Northeast Asia: The Mongolia Factor. — *The Mongolian Journal of International Affairs*. Vol. 19. P. 34-48.

Szilagyi Z. 2010. The Status and Political Role of Mongolian Buddhism after the Political Transformation. — *Mongolian Studies in Europe*. Proceedings of the conference held on November 24–25, 2008 in Budapest. Budapest. P. 117-127.

RODIONOV Vladimir Aleksandrovich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of Asian History and Regional Studies, Buryat State University (6a Ranzhurova St, Republic of Buryatia, Russia, Ulan-Ude, 670000; vladimir198025@mail.ru)

MONGOLIA IN THE LATE 1980s: THE BEGINNING OF POST-SOCIALIST TRANSFORMATION

Abstract. The paper presents an overview of the history of Mongolia in the period of the late socialism. The combination of political, economic, social problems became the base of the socialist system crisis that caused the need for reforms in the country. Strengthening of the crisis phenomena in the economic sphere led to demands for political change. The author emphasizes that similar processes took place in the USSR and Eastern Europe. The initiators of political demands were young Mongolian intellectuals, educated in the USSR and Eastern Europe. In addition, the normalization of relations between Moscow and Beijing meant the withdrawal of Soviet troops from the territory of Mongolia and the weakening an economic assistance to Ulan-Bator. These changes prompted Mongolian leaders to a more open and diversified foreign policy. The intensification of these ties entailed liberalization of the political regime of the MPR and stimulated reforms in the economy. Thus the reforms in Mongolia were heavily influenced from outside.

Keywords: Mongolia, USSR, post-socialist transformation, reconstruction, democratization

---